

НРАВСТВЕННАЯ ГАРМОНИЯ И НРАВСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ В МЕТАФИЗИКЕ Г.В. ЛЕЙБНИЦА

Статья посвящена анализу нравственной любви как смыслообразующей составляющей жизни индивидуума, определению роли предустановленной гармонии в его духовной деятельности в метафизике Г.В. Лейбница. Показано, что нравственные принципы, заложенные в душе каждого индивидуума, роднят всех людей, находят свое воплощение в нравственной любви: каждый человек видит в счастье другого свое собственное счастье. Таким образом, человеколюбие обретает статус социального инстинкта; потребность в радости своих собратьев обусловлена предустановленной гармонией, которая требует сохранения гармонии нравственной; личность становится нравственной в том случае, если живет в согласии с мировым порядком, который означает не что иное, как согласие с собственным Я и любовь к человечеству в целом и каждому его представителю в частности.

Ключевые слова: любовь, нравственность, Бог, благо, радость, гармония.

В своей философии Г.В. Лейбниц постулирует всеобщий нравственный закон, живя в согласии с которым люди будут стремиться к наиболее отчетливому представлению блага. Полное свое воплощение этот закон находит в нравственной любви. Однако здесь возникают вопросы: какую любовь можно именовать нравственной? И что же значит любить?

Не раз ставя перед собой этот вопрос, Лейбниц отвечает на него либо лаконично: «Радоваться счастьем другого» [1, с. 19], либо более развернуто: «Любить — это значит находить удовольствие в совершенстве, благе или счастье любимого предмета» [2, т. 2, с. 163]. Эти чувства свойственны каждому, т. к. «природа наделила человека и даже большинство животных привязанностью и кротостью по отношению к себе подобным» [2, т. 2, с. 94–95].

Индивидуальное стремление монады не просто служит началом роднящего всех всеобщего стремления, но и обретает свою цель только посредством его достижения. Иными словами, счастье испытывается человеком не в том случае, когда он осуществляет свои индивидуальные желания и испытывает радость в общепринятом смысле, а тогда когда радость переживается другими людьми. Так происходит потому, что благо других людей и есть, по Лейбницу, индивидуальное желание каждого. Таким образом, достижение счастья осуществляется посредством нравственной любви, в которой человеколюбие соотносится со стремлениями субъективного Я. Важно отличать эту высшую, нравственную любовь от прочих понятий, аналогично именующихся: «Кроме этого общего социального инстинкта, который у человека можно назвать человеколюбием, существуют другие, более частные, как, например, тяготение самца

* © Меркулова Н.А., 2015

Меркулова Наталья Алексеевна (natalia.merk@yandex.ru), кафедра философии, Курский государственный университет, 305000, Российская Федерация, г. Курск, ул. Радищева, 33.

к самке, любовь отцов и матерей к их детям, которую греки называли *στοργή*, и другие аналогичные склонности, составляющие то естественное право или, вернее, подобие права, которому, согласно римским юристам, природа научила животных» [2, т. 2, с. 95]. Но та форма любви, которая носит имя нравственной, зарождается только в восхищении совершенствами объекта любви.

Моральное учение, выдвигающее человеколюбие на первый план, но при этом примиряющее его с собственными интересами субъекта, является фундаментальной особенностью мысли Лейбница, коренным образом, отличающей ее от предшествующих концепций. К примеру, у Спинозы, учение которого имеет сходие с Лейбницем эвдемонистические черты, человеколюбие тем не менее не занимает должного места. В философии Спинозы оно фактически отстраняется, человеческая радость (как личная, так и людей, находящихся рядом) не играет видной роли и не вызывает никаких чувств. Как писал К. Фишер: «Философия Спинозы относится к человеку бессердечно, не потому, что она проникнута человеконенавистничеством, а потому, что она бесчувственна, потому что этому геометрическому разуму, рассматривающему человеческие деяния так, как будто речь идет о линиях, плоскостях и телах, любовь к индивидууму должна была казаться духовным помрачением» [3, с. 527]. То место, которое у Лейбница занимает любовь человека к человеку, у Спинозы отведено любви человека к Богу-Природе.

Лейбниц, в свою очередь, писал о любви к Богу следующее: «К Богу невозможно иметь высшую любовь в отрешенности от всякого личного блага, ибо удовольствие, которое мы находим в созерцании его совершенств, составляет существо любви» [4, с. 340]. То есть любовь к Богу не отличается коренным образом от любви к людям, но очевидно, что главная ее особенность состоит в том, что она дарует человеку несоизмеримо большее блаженство, нежели любовь к какому бы то ни было существу, поскольку Бог является воплощением вселенского совершенства: «Так как Бог есть самая совершенная и самая блаженная из всех субстанций, следовательно, и наиболее достойная любви, а чистая истинная любовь есть состояние, заставляющее обретать радость в совершенствах и счастье того, кого любишь, то эта любовь, когда предметом ее является Бог, должна доставлять нам наибольшую радость, к которой только мы способны» [2, т. 1, с. 441].

Согласно Лейбницу, Бог отвечает взаимностью любящим его, причем его нравственная любовь проявляется таким же образом, как и у остальных монад — будучи наивысшей из них, он также в большей степени любит тех, которые, живя в согласии с естественным светом разума, достигают большего совершенства. «Так, — отмечает Лейбниц, — любовь Бога к самому себе — действие необходимое, так как может быть доказана из определения Бога» [2, т. 1, с. 308]. Основанием любви к Богу, по Лейбницу, служит отсутствие любого сомнения в том, что его действия были осуществлены не наилучшим образом. «Истинная дружба состоит в том, чтобы желать или не желать одного и того же», — обращает внимание Лейбниц [2, т. 1, с. 127]. Соответственно, и Бога невозможно любить, не разделяя его желаний. «Итак, — продолжает Лейбниц, — я утверждаю в соответствии с этими принципами: чтобы действовать так, как того требует любовь к Богу, недостаточно обладать терпением, но нужно быть действительно удовлетворенным всем тем, что произошло с нами по его воле» [2, т. 1, с. 128].

Вместе с тем Лейбниц указывает на то, что неразумно полагаться исключительно на волю Бога и не предпринимать никаких действий, напротив, нужно действовать самостоятельно, исходя из личных побуждений и руководствуясь стремлением к всеобщему благу. По мнению Лейбница, для деятельности, ведущей к счастью, достаточно верить в Бога, в то, что все его действия направлены к лучшему и что он

никогда не может повредить тем, кто любит его, ибо, как отмечает И.И. Ягодинский: «Веровать в Бога, надеяться на Бога — значит верить, что Бог любит нас, и, следовательно, надеяться, что если мы любим Его от всего сердца, то возникнет неразрывная дружба *amicitia vera et aeterna*, и тогда последует невыразимое, бесконечное наслаждение в будущей жизни» [5, с. 181].

Одно из самых сложных противоречий, касающихся нравственной любви, Лейбниц разъясняет в одном из своих писем к Мальбраншу. Данное противоречие заключается в соотношении любви и корыстолюбия: как любовь может быть бескорыстной без ущемления индивидуальных интересов? «Дело в том, — пишет Лейбниц, — что сущностью любви является наше благо, но не наша корысть» [2, т. 3, с. 336]. Любовь стремится к удовольствию, а корысть не может его принести, поскольку не является благом, следовательно, нравственная любовь не может содержать в себе корыстного интереса: «То, что доставляет наслаждение, есть добро само по себе, но не добро для корысти; оно принадлежит цели, а не средствам» [2, т. 3, с. 336]. Чувства, имеющие своим содержанием корыстолюбие, могут мнимо представляться любовью, но в итоге они не приносят желаемого счастья, так как не содержат в себе благостного начала, но лишь страсть. Затуманенность человеческих представлений, бремя страстей, на них лежащих, зачастую лишают человека способности любить нравственным образом, т. е. любить других людей как себе подобных и любить Бога как совершенное Существо. Только индивидуумы, преодолевшие тяготеющие над ними страсти и осознавшие милосердие к окружающим как свое собственное счастье, становятся способны любить и быть любимыми, потому что они также несут в себе благо. Несомненно, что для этого нужно приложить определенные усилия ума и души, но эти усилия вовсе не так тяжелы, как представляется затуманенному разуму. «Чтобы любить Бога, — писал Лейбниц, — достаточно созерцать его совершенства; а это легко, потому что представление о его совершенствах мы находим в себе самих» [2, т. 4, с. 51]. Любовь к Богу, равно как и филантропия, должна быть разумна, т. е. просвещена посредством разума. Только когда человек живет, руководствуясь разумом, он осознает свой долг, лишь тогда к нему приходит понимание того, что служение вечным общечеловеческим ценностям дарит ему блаженство и приближает его к Богу, поскольку деятельность Бога аналогична: занимаясь тем, чем и Бог, человек становится обладателем тех же совершенств, что и Божество.

Добродетель при этом не должна становиться привычкой, ибо она истинна только в том случае, если осмыслена. Лейбниц писал: «Истинное благочестие, равно как и истинное счастье, состоит в любви к Богу, но в любви разумной, сила которой сопровождается светом. Этот вид любви производит ту расположенность к добрым деяниям, которая служит опорой добродетели и, относя все к Богу, как к центру, возвышает все человеческое до божественного» [2, т. 4, с. 51–52]. Осознанность своей жизни, поступков совершенствует человека, изменяет его в лучшую сторону. Он обретает смирение, его не могут сломить жизненные неудачи, несправедливые суждения других людей, не сбросивших оковы страстей и пр. Он становится склонен к самокритике и может сожалеть о своих проступках, «и все это для нашего собственного усовершенствования и для того, чтобы избежать несправедливости в отношении к другим» [2, т. 4, с. 52]. Жизнь человека должна быть направлена на приближение к Богу и постоянное духовное совершенствование, представляющее собой то состояние, которое делает существование человека подлинно осмысленным и открывает путь к наивысшему блаженству.

Как известно, по Лейбницу, в универсуме все подчинено принципу предустановленной гармонии. Монады, не имеющие никакого сообщения друг с другом, тем не менее осуществляют свою деятельность в согласии с царящим в природе порядком.

Способность упорядочивать универсум присуща только Богу. Он как достаточное основание для всего сущего придает порядок и душам людей, они испытывают природное стремление к наиболее ясному мышлению и, соответственно, к наибольшему порядку. Таким образом, у Лейбница находит свое разрешение проблема согласованности физической и психической деятельности человека. Его концепция предустановленной гармонии указывает на подчиненность физических действий человека деятельности духовной. Он писал: «Гармония, или соответствие между душой и телом, является не беспрестанным чудом, а, как все вещи природы, действием, или следствием, первоначального, происшедшего при сотворении вещей чуда. В действительности она есть беспрестанное чудо в такой же мере, как и множество естественных вещей» [2, т. 1, с. 492]. Бог суть источник предустановленной гармонии, она служит своего рода фактором, способствующим осуществлению воли Бога: «Богу незачем быть постоянно толмачом тела при душе, точно так же, как ему нет нужды толковать повеления души телу, в чем хотели бы убедить нас картезианцы: ибо настоящий посредник между телом и душой — предустановленная гармония» [2, т. 1, с. 332].

Гармония неотъемлемо присутствует и в нравственной деятельности человека. Как отмечал К. Фишер: «При посредстве врожденных ей инстинктов человеческая воля развивается до проявления мировой гармонии, подобно тому, как врожденные идеи возвышают человеческий разум до познания ее» [5, с. 527]. Нравственная гармония при этом не может являться только лишь мотивом к действию монад, но предстает как достоверно существующее явление, т. к. без нее мораль лишена смысла. Именно благодаря нравственной гармонии у каждого существует потребность в радости своих собратьев.

Радость и гармония взаимообусловлены — радость позволяет чувствовать гармонию, а гармония, в свою очередь, дарит ощущение радости. Гармонию Лейбниц определяет как «сходство в разнообразии, или разнообразие, уравновешенное тождеством» [2, т. 1, с. 19]. Коль скоро Бог всемогущ и при этом он одинаково любит все свои творения, он не может допустить отсутствия гармонии у какого-либо из них. Те случаи, где нет чувства радости или когда гармония оказывается скрыта, говорят о недостатке разумности, ибо, по Лейбницу «лишь тот бывает счастлив, кто есть ум» [2, т. 1, с. 21].

Таким образом, согласно Лейбницу, человеческая личность обретает свое нравственное содержание тогда, когда реализует в своей деятельности упорядоченность мировой гармонии, т. е. живет в согласии с собой, стремясь к личному счастью, и в согласии с человечеством, желая счастья других. Смысл нравственной любви обретается в том случае, если желаемое счастье будет находить свое отражение в счастье всего человеческого рода.

Библиографический список

1. Ягодинский И.И. Неизданное сочинение Лейбница. Исповедь философа. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1915. 111 с.
2. Лейбниц Г.В. Соч.: в 4 т. / ред. и сост., вступ. ст. и примеч. Г.Г. Майорова и А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1983—1989.
3. Фишер К. История новой философии: Готфрид Вильгельм Лейбниц: Его жизнь, сочинения и учение. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 734 с.
4. Беляев В.А. Лейбниц и Спиноза. СПб.: Наука, 2007. 352 с.
5. Ягодинский И.И. Философия Лейбница. Процесс образования системы. Первый период 1659—1672. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1914. 444 с.

References

1. Jagodinsky I.I. Leibniz's unpublished essay. Confession of a philosopher. Kazan, Tipolitografiia Imperatorskogo universiteta, 1915, 111 p. [in Russian].
2. Leibniz G.-W. Works: in 4 Vol. M., Mysl', 1983–1989 [in Russian].
3. Fischer K. History of the new philosophy: Gottfried Wilhelm Leibniz: His life, writings, and teaching. M., AST, Tranzitkniga, 2005, 734 p. [in Russian].
4. Belyaev V.A. Leibniz and Spinoza. SPb., Nauka, 2007, 352 p. [in Russian].
5. Jagodinsky I.I. The Philosophy of Leibniz. The process of formation of a system. The first period 1659-1672. Kazan, Tipolitografiia Imperatorskogo universiteta, 1914, 444 p. [in Russian].

*N.A. Merkulova**

MORAL HARMONY AND MORAL LOVE IN THE METAPHYSICS OF G.V. LEIBNIZ

The article deals with the analysis of moral love as sense-making component of person's life, the role of predetermined harmony in his spiritual activity in the metaphysics of G.V. Leibniz is defined. It is shown that moral principles laid down in the soul of each individual, make all people kin, are reflected in moral love: everyone sees in the happiness of another their own happiness. Thus, humanity acquires the status of social instinct; the need for the joy of his fellow is caused by the pre-established harmony, which requires the preservation of moral harmony; personality becomes moral in that case, if he lives in harmony with the world order, which means nothing but acceptance of the self and the love of humanity as a whole and each of its representatives.

Key words: love, morality, God, good, gladness, harmony.

Статья поступила в редакцию 3/XI/2014.
The article received 3/XI/2014.

* *Merkulova Natalia Alexeevna* (natalia.merk@yandex.ru), Department of Philosophy, Kursk State University, Kursk, 305000, Russian Federation.